

Н.А. Натаров

Из философских писем к современникам об основных идеях теории реформ

Общество, эпоха, характер мышления и проблема экстенсивного и интенсивного развития

Уважаемые современники!

Начавшийся у нас период реформ порождает множество вопросов, на которые пока нет ответов ни в нашей публицистике, ни со стороны экономистов-реформаторов... Более того, сами вопросы часто даже *не поставлены*, не сформулированы. А сам факт сформулированности вопроса – это уже направление, в котором надо разворачивать исследование, в процессе которого выявляется целый куст проблем...

Не стану с самого начала перечислять вопросы, которые должны быть поставлены. Буду их выделять курсивом по ходу дела, чтобы не повторять их затем вновь.

Прежде всего – *концепция*. Реформы начаты 2/І-92 г. тем, что были отпущены цены... А концепции нет! И массы людей не видят смысла в положении, когда меновая стоимость товара растёт в десятки и сотни раз, а потребительная стоимость рабочей силы никак не растёт, ибо не созданы механизмы повышения её качества и дееспособности. Вот – вопрос. Один из многих.

Думается, что концепция (поскольку её разработка совершенно необходима, если мы не хотим действовать вслепую) должна исходить из того, что сейчас *пока* в процессе жизнеобеспечения общества доминирующую роль играют вещественные факторы, вещественные условия труда и энергетические ресурсы (вещество и энергия, если сказать кратко), а человек находится в зависимом и отстранённом положении, но тенденция такова, что в ХХІ веке доминирующая роль перейдёт к личностным факторам (к талантам, способностям, к творчеству, опирающемуся на использование громадных и разнообразных массивов информации), и это станет ведущим моментом развития и жизнеобеспечения в массовом масштабе.

Надо ли эту тенденцию заложить в концепцию реформ? Несомненно. Сделано ли это? Нет.

Далее о концепции. Проблема осложняется ещё и тем, что нет методологической ясности и чёткости по вопросу о том, *какие* реформы нам надо осуществить, или, говоря попросту, *что*, собственно, реформировать: общество или экономику? И к тому же: какой момент является ведущим: общество или экономика?

Исходя из поставленных вопросов, следует спросить.

а) Надо ли нам создавать концепцию реформы обновления нашего *общества* (с учётом тенденций будущего)?

б) или же: достаточно просто создать концепцию *реформы-реанимации* конкурентной экономики, разрушенной большевистской «плановой системой»?

Итак: реформы – обновления социума и

реформы – реанимации конкурентной экономики.

Это – разные вещи. Они не осознаны пока в принципиально-концептуальном плане ни реформаторами, ни публицистами. У нас 75 лет вообще не учили теоретико-методологическому мышлению об обществе. Считалось, что всё разработано у Маркса и Энгельса, и незачем-де заниматься философией истории и гносеологической и методологической анатомией нашего социума. Так и произошло оскудение социально-конструктивной мысли со всеми вытекающими из этого последствиями. И в штабе реформ у нас *поэтому* заседают отнюдь не мыслители, отнюдь

не аналитики, отнюдь не открыватели новых путей.¹ В штабе реформ у нас заседают стратеги, но стратеги особого рода – *стратеги подражания западным образцам*. Могут спросить: А что – разве эти образцы – плохи? – Образцы-то хороши (были... для Запада...), но для XXI века они морально устарели. А кроме того, есть такое триединство: места, времени и обстоятельств. Так вот, к нам эти «образцы» не могут быть перенесены по причине отсутствия у нас адекватного истории Запада триединства места, времени и обстоятельств. – Эти «образцы» – продукт истории Запада, а не просто вневременные феномены. – И если бы в штабе реформ у нас были мыслители, они бы это понимали.

По логике высказываний наших уважаемых экономистов (слово «уважаемых» я произношу без какого-либо иронического оттенка, ибо невозможно преуменьшить значение роли экономистов и экономических знаний в нашей ситуации и в хозяйственной деятельности мира вообще, который насковозь экономичен, но это не значит, что, уважая, можно пренебречь *фундаментальностью* мышления, во-первых, и его *адекватностью* эпохе, во-вторых); можно сделать ВЫВОД, что для наших экономистов *реформы-реанимации* конкурентной экономики и *реформы-обновления* общества – это одно и то же (хотя таких терминов они не употребляют... ибо не различают...). Им кажется, что, реанимировав конкурентную экономику они, тем самым, обеспечат обновление общества, т.е. реформируют социум и активизируют человека; для них экономика – первична, а общество – вторично. И это в каком-то смысле так. Но это гораздо больше и не так. Всё дело в критериях истины, которые мы выбираем. И в критериях ПОЛЪЗЫ, которые достаются нам от прошлого и которые продолжают господствовать над нашим интеллектом и, особенно – над интеллектом наших уважаемых экономистов. Наши уважаемые экономисты даже перед лицом XXI века продолжают считать ПОЛЪЗУ – истиной, принципом истинного образа действий. Но это не так!

И не так это в том смысле, что у нашего общества есть не только экономический аспект его бытия и его образа действий, но есть ещё аспект исторический, связанный с тем, что во всём мире нарастает социально-культурный переворот (или сдвиг) – переворот в культуре труда (когда личностные факторы будут доминировать над вещественными и энергетическими), переворот, который выводит общественное бытие и способ социального действия из-под гнёта экономической детерминации. Ибо личность, в отличие от рабочей силы, феномен отнюдь не экономический!

Наша эпоха – это время бурных, глобальных, глубоких качественных перемен (*настолько качественных*, что в истории им аналога не было, ибо меняется характер социальных и личностных *ценностей*, меняется сама личность как ценность: до этого личность нивелировалась в стоимости рабочей силы и проявлялась, прежде всего, как узкопрофессиональный, «орудийный», так сказать феномен, теперь же на первый план выходят её человеческие качества и поэтому меняется МЕРА определённости оценок – от экономической доминанты, *заикленной на пользу*, – к доминанте гуманистической, сосредоточенной на том, чтобы личность *определилась в истинности* своего бытия и своего образа действия, определилась *сознательно и ответственно* как гуманистическая ценность).

У нашего общества, вступающего в XXI век (и для того чтобы оно вступило в него, а не жило по новому календарному отсчёту старым способом), должен быть выделен не только экономический и исторический аспект (аспект изменчивости), но ещё и *мыслительный* аспект. А это значит, что в XXI веке осуществить свою *ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ ЖИЗНЬ* смогут только

¹ Тезис сформулирован. Теперь его предстоит доказать.

адекватно мыслящие люди, обладающие **ПОНИМАНИЕМ** *истинного* (необходимого) образа жизни и *способные* его осуществлять. А это значит, что непременным моментом реформ нашего социума должна стать адекватная мыслительная атмосфера в стране и функция **ОБУЧЕНИЯ** масс людей истинному образу мысли, жизни (и мысли прежде всего). Реформы не должны оставлять людей один на один со стихией товарно-денежного процесса, не давая им возможности критически и творчески (конструктивно) возвыситься над ним, оставляя им лишь одну социальную роль – роль товара–рабочей силы, порабощённой условиями товарного фетишизма.

Если без иллюзий отдавать себе отчёт в том, что такое экономика и политическая экономия, то надо отметить, что в экономических отношениях содержится «видимость человеческого» и что экономисты «чаще всего берут эти отношения как раз в их явно выраженном *отличии* от человеческого, в их строго экономическом смысле». Эту особенность экономического начала К. Маркс вычленил и, так сказать, «выделил в осадок», как это делают химики, – из трудов экономистов XVIII-XIX веков. (См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.2, с. 35.) Иными словами, не следует забывать, что экономические отношения – *бесчеловечны*. Но в нашей сегодняшней атмосфере нищеты и погони за пропитанием об этом как-то не думается. Но, вырабатывая концепцию реформ нашего общества, не следует это упускать из виду. Ибо надо мыслить целостно.

В этой связи заслуживает внимания вопрос о «человеческих измерениях» реформ и об «измерениях финансово-экономических» и о соотношении этих «измерений».

Говоря о «человеческих измерениях» реформ, надо определить **ВСЕ** факторы, которые влияют на становление высоких человеческих качеств, на становление творческой человеческой личности, живущей не по канонам утилитаризма, и соответственно управлять реформацией этих факторов. Они обладают относительно самостоятельным значением и представляют собой совокупность и систему, так что их изменение (т.е. реформы) должны касаться *сразу ВСЕХ* этих факторов. Главными среди них являются: технологический (состояние технологии), экологический (состояние этого фактора), образовательный (или социально-педагогический), состояние науки, состояние семьи, состояние социального мышления, состояние социальной психологии, состояние нравственности, состояние ценностных ориентации и состояние экономики. Всего 10 факторов. И экономике среди них отведено последнее место, так как с точки зрения мобильности (с точки зрения способности действовать *в исторически необходимом направлении*) экономика весьма консервативна. Кстати, само понятие «экономика» нуждается в строгом определении, так как при широчайшем словоупотреблении этого термина люди очень мало задумываются о *сущности* этого феномена. Так, например, кандидат исторических наук зачем-то стремится дать «внеисторическое» определение понятия экономики (см. «Свободная мысль», 1992, № 9, с. 98-100) и приводит следующую формулировку: всё то, что обеспечивает материальные предпосылки и необходимые условия существования любого социума» от семьи и дальше (с. 98).

На самом же деле – экономика – явление историческое и связана она с переходом общества от *естественного* разделения труда к *общественному* разделению труда (земледелие, скотоводство, ремесло, торговля, умственный и физический труд). То есть: экономика возникает с переходом от варварства к цивилизации, когда образуются города и совокупность условий, создающих строго организованное гражданское общежитие; в городах возникает ремесло, наука, календарь, письменность, книги, гимназии, театры, стадионы и другие средства развития человека (библиотеки, например). В противоположность городу существует деревня, возделывающая культуру злаковых растений и, таким образом, складываются условия для *обмена* основными продуктами труда. Этот обмен и есть важнейший параметр экономических отношений,

вытекающих из социального *разделения труда*. Это зачаток экономики. Но подлинная экономика возникает с мануфактурным разделением труда, которое обеспечивает массовое производство товаров для громадного торгового обмена. Именно мануфактура является той формой производства на основе специфического (подетального) *разделения труда*, а следовательно – появления массовой торговли, меновой стоимости и денег в качестве важнейшего фактора экономических отношений между людьми. Именно эти исторические условия порождают политическую экономю. «Трактат политической экономии» был издан А.Монкретьеном в Руане в 1615 году, что и дало название науке об экономических отношениях.

Являясь историческим явлением, экономика так же не вечна, как и всё на свете.

Экономика – это такая система отношений, при которой накопленный труд (собственность) господствует над трудом живым (над деятельностью). Экономика как система отношений есть «не что иное как ограничение производства потребительных стоимостей меновой стоимостью; иными словами, для того чтобы вообще стать объектом производства, реальное богатство должно принять определённую, отличную от него самого, т.е. не абсолютно тождественную с ним форму» (см. там же, т. 46, ч. I, с. 393). Это значит, что, например, такая форма богатства, как способность личности к творческой деятельности, чтобы стать объектом производства и участвовать в производстве, должна принять форму меновой стоимости и в этой форме меновой стоимости ограничивать производство потребительных стоимостей, т.е. – потребных обществу вещей. Иными словами: «не заплатишь – не поедешь». Миллионы обывателей привыкли к этому как к само собой разумеющемуся факту. Но причём здесь реформа нашего общества на грани XXI века, осуществляемая нашими уважаемыми экономистами – *по экономическим канонам*?! Ведь это же бред! Бред то – что предполагается возможным экономическими методами преобразовать экономически детерминированное общество. – Даже фразеологически (лексически) видно, что это – «круг в доказательстве» – один из видов логических ошибок.

На этом положении необходимо сосредоточить внимание «проницательного читателя», так как общественное сознание находится в своеобразном «суббредовом» состоянии, т.е. – в состоянии подчинения заведомо неадекватному пониманию природы общественных отношений на день сегодняшний и на перспективу.

Ещё совсем недавно, Н.И. Рыжков, будучи ещё Председателем Совмина, в интервью журналу «Огонёк» сетовал по поводу того, что у нас-де мало экономистов и что, следовательно, надо бы, чтобы их было «числом побольше»...

Этот факт о ходе мыслей лица весьма ответственного свидетельствует о характере интеллектуальной атмосферы и о методологии решений в верхах нашего истеблишмента в недавний период.

Факт из упомянутого интервью Н.И. Рыжкова означает, что бывшее руководство Союза понимало ситуацию в стране – *сугубо экономически*. Отсюда вытекала их уверенность, что экономикой (а значит и страной, ибо для руководства, в генеральном смысле, это были синонимы, экономика и страна – это тождественные выражения) должны заниматься экономисты. Думается, что и сегодня эта точка зрения близка руководству РФ. А это-то и заслуживает критики. И в этой критике целесообразно прибегнуть, так сказать, к «инженерному примеру» – к определённой «параллели», имея в виду, что у нас в верхних эшелонах управления много инженеров: тот же Н.И. Рыжков – инженер по базовому образованию. Но так сложилось, что задачи исторического развития и социального (т.е. трудового) прогресса у нас поручали инженерам, которые, естественно, не имели гуманитарного образования и гуманистического (социокультурного) понимания методов и перспектив.

Уместно спросить: видел ли кто-либо из инженеров, чтобы стальную болванку обрабатывали на токарном станке другой такой же болванкой, а не резцом? Видел ли кто-нибудь, чтобы гвозди забивали гвоздём, а не молотком?

Если стальная болванка – это *предмет труда* токаря, то для её обработки инженерная изобретательская мысль придумала, изобрела *средство труда* (резец). И это средство труда по сконцентрированной в нём культуре технического мышления на ПОРЯДОК выше, чем «культурный потенциал» стальной болванки. В этом, собственно, и состоит методология решения созидательных целевых задач. Это можно определить как *метатеоретический подход*.

Посмотрим теперь на экономику. Ведь ясно же, что экономика сегодня стала предметом труда, предметом преобразования для всего нашего общества. Следовательно, для решения этой целевой задачи необходимы СРЕДСТВА ТРУДА, которые по сосредоточенной в них культуре социально-преобразовательного мышления и действия были бы исторически на ПОРЯДОК выше, чем сосредоточенная в экономике культура социального действия.

В преобразовании экономики (называемом «реформами») предстоит мыслить и действовать таким образом, что перед нашей активностью и нашим целеполаганием находится не только ОБЪЕКТ (экономика), но и СУБЪЕКТ, который воздействует на экономику (аналог средству труда в приведённом выше «инженерном примере»): чтобы преобразовать экономику, необходимо преобразовать субстанцию социума, так как без этого невозможно получить в своё распоряжение такой СУБЪЕКТ, такой социум, который был бы способен реформировать экономику в духе эпохи и – адекватно эпохе.

Почему же фактически мы ныне наблюдаем, как при решении экономических проблем реформы – методологическая культура наших уважаемых экономистов-реформаторов остаётся такой же, как если бы стальную болванку обрабатывали бы другой такой же болванкой, или – как если бы гвозди забивали гвоздём, то есть средством труда такого же порядка и свойства, не несущим в себе большей концентрации культуры мышления и исторического действия?

Почему экономические проблемы поручают у нас решать экономистам? Не потому ли, что у правительственного истеблишмента НЕТ *адекватного понимания* того, с характером и уровнем какого порядка задач столкнулось НЫНЕ наше общество?! **Вот это надобно немедленно переосмыслить!** Ведь не сапоги же мы шьём! – Для этого надобен сапожник. – А здесь мы ведь имеем дело с социумом, который не пристало брать серьёзным мыслителям *лишь* в форме объекта.

Даже если бы действительно задачи нашего общества были бы сугубо экономическими, то и в этом случае их следовало бы решать СРЕДСТВАМИ, которые по сосредоточенной в них культуре труда должны были бы быть на ПОРЯДОК выше, чем разрешаемые экономические проблемы (ликвидация дефицита госбюджета, финансовая стабилизация, уплата государственных займов и долгов, стимулирование производства и производительности и т.д.)!! Ведь это только барону Мюхгаузену было дано самого себя вытащить из болота за волосы! Увы: нам – нет!

Мы же, поддавшись эйфории нашей экономической реформистики, самозабвенно «обрабатываем болванку болванкой», «забиваем гвозди гвоздём» и тащим себя в качестве объекта (и только объекта!) за собственные волосы из собственного болота!! Прелесть, что за логика и методология!! И ни в одной мозговой извилине «не зачесалось», что в нашу эпоху вступления в ХХI век экономические проблемы в принципе невозможно решить экономическими средствами, привлекая для этого экономистов!! Это невозможно потому, что при таком подходе складывается ситуация тавтологической замкнутости решаемой проблемы на самоё себя. А эпоха – переходит в новую МЕРУ качества всех жизненных общественных отношений.

В конце концов, всё сводится к характеру труда. И если посмотреть на это исторически, то вырисовываются три исторических типа труда.

В первобытном, охотничье-собирательском, обществе труд выражался в добывании потребительных стоимостей. И меновая стоимость не возникала в качестве субстанциональной характеристики труда.

Второй тип труда – следствие общественного разделения труда. Это тип труда, породившего обмен и меновую стоимость как субстанциональный признак труда.

Ныне наступает третий этап в развитии труда как субстанции социума. И связано это с тем, что в сферу труда включается переработка информации, тогда как для труда второго исторического типа было присуще лишь извлечение и использование двух моментов: вещества и энергии.

Таким образом, реформа социума должна ориентироваться на изменения, вносимые включением в систему труда этого третьего момента: информации и – соответствующих технологий.

Этот фактор создаёт новую субстанциональную характеристику труда – ценность человеческой личности. Именно с ЦЕННОСТЬЮ личности надо связывать переход от рабочей силы индивида, являющейся рыночным товаром, обладающим стоимостью, к такому состоянию общественных отношений, в системе которых доминируют ценности личностного фактора. Личностный фактор не должен сводиться к товарной стоимости и требует совершенно новых общественных отношений – *отношений развития*. Это уже – не традиционная экономика, ибо стоимость здесь не господствует. Здесь – новая сущность отношений, при которой ценность личности не сводится к стоимости рабочей силы. Следовательно, если сегодня мы оказались перед фактом, когда «предметом труда» (преобразуемым «предметом») стал труд, имеющий двойственный характер (**а на нём-то и стоит и держится экономика!**), то наши попытки преобразовать этот «предмет труда» *экономическим способом*, то есть – посредством труда, имеющего двойственный характер, выглядят (с точки зрения методологии) как «болванно-болванные» действия.

И так как опосредствование, присущее труду, выражается в том, что «средство труда» должно быть (в смысле концентрации в нём культуры) на порядок выше «предмета труда», то в реформации общества задача состоит в том, чтобы развивать новое начало социальной жизни – создавать труд, превосходящий товаропроизводящую деятельность – в гуманистическом, технологическом, историческом смысле, в ценностном, нравственном и других отношениях. Можно сказать, что это должен быть труд, имеющий тройственный характер, т.е. труд, создающий не только потребительные и меновые стоимости, но ещё и – созидающий ценности гуманистического порядка – прежде всего, ценности творческой личности, свободной от диктата товарного фетишизма. И этот аспект производства должен быть поставлен и организован как доминирующая форма деятельности. Как уже говорилось, у нас за последние 75 лет вообще не учили теоретико-методологическому мышлению, по отношению к развивающемуся обществу, и интеллект страны приобрёл особое состояние. Соорудить табурет, – сконструировать истребитель или космический корабль, перекрыть плотиной Енисей – пожалуйста! Но вот «построить» новое общество, реформировать экономику – здесь нужна *особая* эвристическая сила *особой* прогностической абстракции, так как «созерцательный материализм» здесь бессилен. А у нас мало кто усвоил эвристический потенциал 1-го тезиса Маркса о Людвиге Фейербахе, да и – других десяти тезисов о нём же. И вообще – гуманистический смысл марксизма не был понят: для этого у «приверженцев» под их «черепной крышкой» просто не было аппарата адекватного понимания.

Попытки преобразования общества (Ленин, Сталин, Хрущёв, Брежнев, Горбачёв) и реформ экономики (Косыгин, Тихонов, Рыжков, Павлов, Силаев) окончились неудачей потому, что к задаче относились как к реформации *объекта* (действительность бралась *только* в форме объекта), а не как к реальной практической деятельности общества, *которая осознана* и как деятельность опирается на ценностные, нравственные, мировоззренческие и психологические импульсы людей, на тип их образованности, на уровень их научной компетентности и на характер технологии, которым располагает общество, то есть – является их субъективной стороной. В действительности общество есть не объект, а взаимодействие субъекта и объекта. В нём переплетены субъективное и объективное так, что их невозможно отделить друг от друга, разве что – в абстракции.

Итак, следовательно, – рассуждая далее, чтобы создать концепцию реформ *как реформ – обновления нашего общества* (а не просто – реформ-реанимации конкурентной экономики), – неизбежно придётся ввести категории *экстенсивного* и *интенсивного социального развития*. – Об этом пока никто не обмолвился даже полусловом. Но МЫСЛЬ, – дерзкая, критическая, – должна БЫТЬ! – Нельзя жить с завязанными глазами.

Надо, наконец, поставить вопрос о наших реформах в большой перспективе. В 1992 г. МВФ и Международный банк обещали нам кредиты в размере 24 млрд. долларов. А, по подсчётам зарубежных специалистов, России, чтобы преодолеть кризис, нужно до 170 млрд. долларов кредитов ежегодно. Можем ли мы на это рассчитывать?

Британский журнал «Экономист» в своей редакционной статье (конец июля 1992 г.) ответил на этот вопрос отрицательно. (См. «Деловой мир», 1992, № 162, 22 августа, стр. 9.)

«Даже беспристрастные зарубежные наблюдатели (комментаторы радио «Свобода», например) отмечают, что правительство РФ в своих внешнеполитических приоритетах ставку делает сегодня на Международный валютный фонд, на Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, даже на Североатлантический совет и НАТО). Что касается дел внутренних, российское руководство приняло рекомендованную ему Западом «шоковую терапию», основными составляющими которой являются так называемая финансовая стабилизация и либерализация цен, а рычагом подъёма экономики – обещанные ВМФ кредиты на сумму в 24 млрд. долларов». (См. там же.)

Возникает вопрос: «Является ли такая модель действий – предпосылкой интенсивного социального развития России?». Ясно, что – нет. Нет – потому что 24 млрд. долларов – это не 170 млрд. долларов на год, которые необходимы. Во-вторых, – нет, потому что «финансовая стабилизация» означает, что на первый план выдвинуты «финансовые», а не «человеческие измерения». Человек и человеческие факторы поставлены в зависимость от «финансовых измерений» (от денег как меры стоимости), которые весьма скудны и не обладают саморазвитием, как это присуще человеку.

Экономические методы не могут не быть бесчеловечными (и потому – экстенсивными!), ибо экономические отношения ограничивают человеческое начало, трансформируют его в выгоду, в меновую стоимость и придают социальной жизни (как процессу заведомо творческому) меркантильный, корыстный, антигуманный характер, отличный от того, чем она в принципе должна быть сама по себе накануне XXI века. Экономика – это гнёт и эксплуатация, отчуждение и искажение гуманистической сущности человека.

Учинив «вхождение в рынок», т.е. – в капитализм, поставив «финансово-экономические измерения» над всем и вся и, тем самым, придав им доминирующую функцию, стратегический приоритет, наши уважаемые реформаторы недооценили, что сам «капитал, будучи правильно

понят, выступает как условие развития производительных сил до тех пор, пока последние нуждаются во ВНЕШНЕМ прищипоривании, *которое вместе с тем является их обуздыванием...*» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 393 . – Выделено мною. – Н.Н.).

Это что – найден интенсивный метод социального развития России?! «Прищипоривание производительных сил, которое вместе с тем является их обуздыванием»!! Когда капитал выступает как условие развития производительных сил ЛИШЬ ДО ТЕХ ПОР, пока последние нуждаются во ВНЕШНЕМ прищипоривании – это что – ИНТЕНСИВНЫЙ метод социального (человеческого) развития России?! В том-то и состоит специфика переживаемого исторического времени, что совершается исторический переворот и творческие силы страны нуждаются ещё и во ВНУТРЕННЕМ (человеческом, а не во внешнем – финансово-экономическом) стимулировании. И во внутреннем – более, чем во внешнем. А внутреннее стимулирование – это и есть как раз та «реформа-обновление» нашего *общества*, концепцию которого и надо ещё разработать.

А так как ожидание, что МВФ будет ежегодно на наши реформы выкладывать по 170 млрд. долларов, есть, по меньшей мере, наивность, то в чём же состоят истоки оптимизма наших уважаемых реформаторов – на большую перспективу?

То, что происходит сейчас на основе экономической премудрости наших уважаемых экономистов (прищипориваем и обуздываем), мы уже видим. Но этот «гоп со смыком» долго продолжаться не может. Всё дело в том, что *экономическое* функционирование социума (когда происходит «ограничение производства потребительных стоимостей меновой стоимостью») (см. цитировано выше), не может дать той интенсивности, которая сегодня насущно необходима нашему обществу как призванному вступить в XXI век и стать вровень с эпохой (в которой личностные условия производства творческой жизни подчиняют себе вещественные условия труда, производящего товары) или же деградировать, если оно этого не сделает. Эпоха требует, чтобы высшая деятельность подчинила себе традиционную собственность как субстрат экономики. А в рамках экономической детерминации социального процесса это невозможно. Следовательно, необходима другая, исторически высшая, детерминация.

Экономика и экономическая детерминация – это состояние, при котором собственность доминирует и подчиняет себе деятельность, которая, в силу этого, не может развиваться ИНТЕНСИВНО (т.е. – по меркам XXI века).

Из сказанного теперь уже должно быть ясно, что установка на реформу-реанимацию конкурентной экономики по своим возможностям – экстенсивна. А это ничего не даёт нашей стране.

Истинная установка вырабатываемой концепции реформ должна быть сделана на ИНТЕНСИВНЫЕ факторы. Из перечисленных выше 10 факторов – это первые 9.

Разрешение задачи, которая стоит перед нашей страной в деле её реформации, может быть выражена так: осуществить обновление социума и решить экономические проблемы можно – только «сняв» экономическую детерминацию!

Нам надо, наконец, понять, что сегодня у нашей страны не одна задача (реформировать экономику, сообщив ей конкурентный характер), а комплекс сверхзадач, тождественных преобразованию в духе XXI века упомянутых выше 10 факторов.

И общий смысл всего комплекса сверхзадач состоит в том, чтобы вырваться из тисков экономики, «снять» экономическую причинность, повелевающую обществу жить по законам извлечения меновой стоимости из всех факторов социальной жизни. «Снять» экономический детерминизм – не значит перечеркнуть и разрушить экономические механизмы, а означает –

включить экономические отношения в более широкую и новую сферу человеческих отношений (отношений развития творческой деятельности и – свободного развития способностей и талантов личности), но включить как подчинённые отношения. Итак, следовательно, *отношения производства* товаров (= экономические отношения) подчинить *отношениям развития* личности (гуманистическим отношениям) – вот общий смысл тех реформ, которые НЕОБХОДИМЫ НЫНЕ России, чтобы выбраться из ситуации, в которой она оказалась, и в ситуации – когда лидеры мирового прогресса не стоят на месте (а историческое время не обещает нам «подождать», – лет 500, – пока мы дозреем ... на основе экономического детерминизма). Казус (необычность случая) состоит в том, что ситуация двойственна (двухаспектна): первое – это то, что мы отстаём от мирового уровня хозяйственной эффективности; второе – это то, что наиболее развитые страны, – не осознавая себя социально-философски, – тем не менее, не стоят на месте и развиваются (по существу – стихийно) в сторону совершенно нового порядка вещей, при котором не стоимость рабочей силы и не стоимость средств производства и не отношения собственности на них, а ЦЕННОСТЬ творческой личности и ЭФФЕКТИВНОСТЬ СООБЩЕСТВА и сообществ разного рода имеет предпочтение и приоритет над отношениями собственности и над стоимостными оценками всех феноменов общественной жизни.

Поэтому когда наши уважаемые экономисты-реформаторы стремятся задействовать стоимость и собственность, – то есть действовать сугубо экономически, – то это – *экстенсив.* Всегда это было правомерным и само собой разумеющимся здравым смыслом. А сегодня, применительно к нашему обществу (и в контексте обстоятельств наступающей эпохи) – это ЭКСТЕНСИВ!

Выдающимся специалистом по здравому смыслу проявил себя наш известный экономист уважаемый Н.П. Шмелёв. Два или три года назад на целую полосу в Л.Г. было опубликовано, – и всё по вопросам здравого смысла, – его интервью, в котором, в беспрецедентно наступательном стиле, была «выдана» целая связка банальностей в защиту мещанства и обывательщины. «Вершиной» этого интервью было высказывание уважаемого Н.П. Шмелёва о том, что за всю его жизнь у него в голове не родилось ни одной новой мысли и что он гордится этим (своим интеллектуальным бесплодием). Ему же принадлежит замечательный афоризм по вопросу о перспективах нашего общества: «либо лагерь, либо рынок».

По этому же вопросу Е.Т. Гайдар высказался так: «Есть две группы регуляторов, способных обеспечить жизнедеятельность общества, – эффективные деньги и эффективные приказы». (См. «Известия» № 187 от 20 августа 1992 г.)

Думается, что есть ещё нечто третье, кроме приказов и денег (кроме лагеря и рынка), на что можно было бы опереться в реформировании нашего общества. Это «третье» есть «эффективный человек».

В вопросе о том, на что ориентировать реформы нашего общества (на реанимацию конкурентной экономики или на обновление нашего общества в критериях XXI века) у экономистов нет вопроса: для них это одно и то же, ибо, как они думают, реанимировав конкурентную экономику, они тем самым реформируют общество и активизируют человека.

Но вот чего не учитывают наши уважаемые экономисты-реформаторы. Они не осознают, что экономический способ действия – это, как уже цитировалось выше, «отличный от человеческого» способ действия, то есть – отчуждённый от гуманистических норм и перспектив, превращающий человека в стоимость, равную стоимости других (вещественных) условий производства, и потому – не создающий для него как человека адекватных *условий развития*. Этот способ формирует человека *лишь* как элемент товаропроизводства, как профессионально выкроенную рабочую силу.

Экономистам кажется, что «конкуренция всё расставит на свои места», – как сказал Г.Х. Попов (см. «Столица», 1992, № 32, с. 19), а вот Альберт Эйнштейн, который обладал интеллектуальной прозорливостью, отнюдь не уступающей аналитическим способностям Гавриила Попова, – считал, что «неограниченная конкуренция приводит ко всё большей растрате труда и таким образом уродует социальное сознание личностей». «Это уродование личностей, – заявлял А. Эйнштейн, – я считаю самым большим злом капитализма». (См. «Почему социализм?» «Коммунист», 1989, № 17, с. 100.)

Таким образом, возникает вопрос, *что является приоритетной целью реформируемого производства*: товар или человек? Для экономистов такой целью является товар. А для А.Эйнштейна – человек, которого надо уберечь от уродования конкуренцией, разворачиваемой ради производства товаров.

Таким образом, теперь уже более отчётливо вырисовывается, что, кроме «эффективных приказов» и «эффективных денег», есть ещё «эффективный человек». Экономисты его совершенно не видят и не включают в состав «регуляторов», «способных обеспечить...» Им (экономистам), в силу профессионального склада их ума, кажется, что «эффективные деньги» заведомо несут в себе «регулятивную силу» и по отношению к человеку, и что, «как повернуть деньгами», так повернётся и человек... Но это же экстенсивный путь! Экономистам кажется, что, держа в руках такой рычаг управления, как деньги, они повелевают СРАЗУ ВСЕМИ ЛЮДЬМИ. На самом же деле они повелевают и управляют НЕ ЛЮДЬМИ, а обезличенными, отчуждёнными индивидами, которые лишены конструктивной внетоварно детерминированной воли и творческого гуманистически ориентированного потенциала, т.е. лишены личностных качеств.

Таким способом можно гнать товарную массу, но невозможно осуществить реализацию творчества личности и творческую реализацию каждой личности. Поэтому-то А.Эйнштейн и говорит об «уродовании личностей» в рамках конкурентных отношений, когда каждый индивид, чтобы иметь достаток физиологический (попросту – кусок хлеба, или довольно полную «ПОТРЕБИТЕЛЬСКУЮ КОРЗИНУ»), отрешается от своего личного, человеческого «я», от *своей* (нереализуемой в столкновении с экономикой) жизни. «Люди гибнут за металл», конкурируя друг с другом за то, чтобы занять в обезличивающем их товарпроизводстве какую-то узкую, частично-профессиональную нишу, забывая о СОБСТВЕННО ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ начале, которому так и не дано развиваться в рамках экономики!

Таким образом, «эффективные деньги» Егора Гайдара (как и «конкуренция» Гавриила Попова, которая «всё расставит на свои места». – Только вот каковы эти *места*? –) имеют в качестве своей обратной стороны – не только недоиспользование человеческого творческого потенциала неотчуждённого типа, но вообще – его игнорирование. Деньги – это тот арапник, которым пастух (экономист) сразу гонит всё стадо, кого – доить, а чью-то шкуру – дубить и т.д. Но при этом в качестве целеполагания является – товар для рынка и рынок для товара (менеджмент и маркетинг).

При этом экономисты создают такое впечатление, будто экономика занимает собою всё пространство и время человеческой общественной жизни. На самом деле это не так. На самом деле за гранью экономического пространства и времени идёт многообразная и многосложная жизнь биосферы и социосферы. Это – биосферные, экологические, гелиобиологические, геологические и т.п. процессы и влияния, которые не подчиняются непосредственно экономическим законам, но усугубляются под влиянием их действия. Это и социосферные процессы: этнографические, социокультурные, межнациональные, социально-психологические, семейно-родовые, медико-биологические (например, СПИД). Это – процессы и влияния, которые не подчиняются непосредственно экономическим законам, но усугубляются под влиянием их действия, ибо

деятельность людей «в среде жизни» находится пока под доминирующим влиянием экономических императивов (пользы, выгоды, стоимости, цены, стяжания, корысти, «дешевизны» и «дороговизны»), которые с точки зрения и природных (биосферных), и социально-человеческих (социально-культурных) отношений не имеют смысла.

Здесь пора определить, что такое творческий труд и творческий потенциал в современных условиях. Ведь ясно же, что всякий труд имеет черты творчества, поскольку трудовая практика мысленно (духовно, идеально) определённа, а мысль обладает относительной самостоятельностью и инициативой, направленной на улучшения.

Поэтому труд – «творит». Но вопрос в том – как? И ещё вопрос – *на что* направлен труд, каков *предмет труда*? Предметом труда может быть вещество (сырьё), из которого получают вещи для обыденного потребления. Предметом труда также может быть человек. Наконец, предметом труда может быть сам труд. В связи с этим существенно меняется и характер творческих черт труда. Одно дело, когда творчество проявляется в процессе извлечения или использования вещества и энергии, и другое дело, когда творчество проявляется, будучи направленным на самого человека или на сам труд (на его организацию и его техническое оснащение). Нетрудно умозаключить, что труд, сосредоточенный ЛИШЬ на изменении формы и качества вещества – экстенсивен *в сравнении* с трудом, который ещё и меняет человека и развивает сам процесс труда как субстанциональную основу истории общества. Последний и есть интенсивный процесс. Так что когда труд творит по меркам объективных требований эпохи, т.е. откликается на назревшие ИСТОРИЧЕСКИЕ перемены, то и творческий потенциал такого труда, его творческие качества заметно выше, чем у труда, который просто отчуждает себя в вещественных продуктах. Например, человек, имеющий «свое дело» (что сейчас усиленно рекомендуется), может, несомненно, творчески вести его. Но весь вопрос в том, что, несмотря на видимую его «свободу действий» и «чувство хозяина», этот человек как бизнесмен, вынужден подчиняться обстоятельствам и условиям уже сложившегося товарного производства, в сфере которых не человек господствует над обстоятельствами, а наоборот – обстоятельства над человеком. Это и есть существеннейший признак экономики, хотя бы этот процесс и осуществлялся бы «творчески». Вопрос, следовательно, в том, *понимает* ли человек эпоху (и, конкретно, нашу эпоху), в которую он живёт? И сообразует ли он свою субъективную практику с объективными требованиями эпохи, в которую он живёт? Или же он просто живёт («как трава растёт»), будучи озабочен лишь экономическими параметрами своей традиционной жизни, не догадываясь, что наступает и наступила уже новая эпоха, требующая неординарной организации ВСЕЙ социальной жизни.

А что мы видим в той «концепции» реформ, которая становится нам доступной через её реализацию?

А то, что эта «концепция» **ординарна**. В ней финансовое оздоровление – т.е. меновая стоимость прошлого труда и утилитарно-меркантильные ценности, поставлены впереди *развития* труда и развития человека. Это так характерно для любой экономмистики, которая способна лишь воспроизводить (воспроизводить репродуктивно!) вчерашнее status quo (статус-кво) и, следовательно, *не допускать развития*! Хорошенькие «реформы», которые не допускают развития! Ибо в них *мёртвое* (т.е. финансы) определяют динамику, самочувствие и мысли *живого* – т.е. человека, труда и мышления.

Это ж надо иметь такую голову (да что там голову – десятки миллионов голов!), которые отваживаются на *реформы ОБЩЕСТВА(!)*, находясь в состоянии экономического обалдения!

Все только и делают, что говорят, пишут об экономике и выражают НАДЕЖДУ на возрождение и расцвет экономики в условиях КОНЦА XX века, когда НЕТ условий ни для расцвета, ни для возрождения экономики. Нет условий, ибо экономика – это экстенсив. Нет условий, ибо экономика – это ограничение производства потребительных стоимостей – меновой стоимостью (см. цитированное выше) и, тем самым, есть ограничение развития человека и развития труда определёнными *инертными* факторами, к которым в первую очередь надо отнести финансы, а, во-вторых, инертные (по современным меркам) интересы и потребности людей, имеющие, как интересы и потребности, утилитарно-меркантильный характер, что само по себе есть инерция, порождающая экстенсивное движение социума.

Нет условий потому, что за 500 лет, т.е. с 1492 г., – в организме экономики накопилось столько «шлаков», что НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ её функционирования возрастает лавинообразно, «возрастает по экспоненте», как ещё принято говорить языком науки, и не существует методов рационального определения перспектив экономического роста, ибо сама *ситуация* в мире ныне *иррациональна*.

Сама академическая наука в лице Адама Смита и его «Исследования о природе и причинах богатства народов» есть плод рационализма XVIII века. Правда, «рационализм» политической экономии с самого начала базируется *на допущении*, что две стороны такого товара, как рабочая сила – её потребительная стоимость и её меновая стоимость – *соизмеримы* и могут быть выражены в стоимостных единицах. Само же это допущение ныне не может быть корректным, хотя в XVIII-XIX веках сам факт такого допущения можно было считать допустимым. Однако уже в «Капитале» К.Маркса содержится указание на то, что «меновая стоимость и потребительная стоимость сами по себе величины несоизмеримые» (см. Соч., т. 23, с. 551). Тем более несоизмеримы эти величины в нашу эпоху, когда факторами товарного производства являются не только вещество и энергоресурсы, но и информация, которая, реализуясь через человеческий интеллект и труд, создаёт не только товарную массу, но и существенно влияет на самого человека, на его культуру и на его творческий потенциал, а также – на сам труд. А эти последние не имеют менового эквивалента. Отсюда следует, что рационализм в сфере экономических отношений – вещь невозможная, либо же, что при осмыслении реформ нашего социума надо выходить за рамки экономического рационализма, ибо он в самом себе заведомо противоречив и самому себе неадекватен. А между тем, стратегия реформ, как она вырисовывается в наметках нашего уважаемого Егора Тимуровича Гайдара, предстаёт как логически последовательный ряд, не являясь таким на самом деле по причине несоизмеримости упомянутых сторон товара и по причине неосознанности специфики самого феномена труда в том его состоянии, в каком он должен быть в конце XX века.

Здесь в нашем изложении сути дела по вопросу о реформировании нашего общества наступил момент, когда надо более строго определиться по такому понятию, как «социальное». Понятие «социального» у нас в публицистической практике и в политическом обиходе совершенно искажено и редуцировано до уровня, обозначающего нечто попечительское, нечто соборовское. Как это у Гоголя – попечитель богоугодных заведений А.Ф. Земляника, – содержит в себе намёк на нечто потребительское и, так сказать, «съедобное». Такой же колорит приобрело понятие «социального» и у нас. Из-за этого происходят ошибочные построения мышления, при которых реформаторский интеллект *лишается правильной ориентации*. На самом же деле «социальное» – это самое фундаментальное понятие в социальной философии (т.е. в философии истории), в социологии, в демографии, в политике, в праве и т.д., ибо оно обозначает начало всех начал – *труд*, который является *субстанцией* общества, человека и мышления. Именно определённый исторический тип труда создал экономику, а не наоборот. Труд определённого типа

создал собственность, отношения собственности, а они-то и есть исток экономических процессов и понятий. Разделение утилитарно ориентированного *труда* породило обмен, стоимость и деньги как мерило стоимости. Да и собственностью может быть лишь то, что обладает стоимостью. Иными словами, собственность вытекает из разделения труда, утилитарно ориентированного, или, как ещё определяют, – из *общественного* (= социального) разделения труда, что надо отличать от *естественного* разделения труда, характерного для первобытно-родового общества, когда существовали кровнородственные отношения и отношения всеобщего достояния, но отнюдь не отношения собственности.

Что же из этого следует? А следует то, что разрабатывать концепцию реформ нашего общества, надо, НАЧИНАЯ с самого фундаментального тезиса – с проблемы типологии будущего труда как субстанции будущего социума, а не с вопроса финансовой стабилизации, что не является фундаментальным постулатом. Финансовая стабилизация – отнюдь не ствол, а веточка на стволе социальной истории. А реформы ведь должны придать новый облик истории нашего общества, преобразовать СУЩНОСТЬ взаимодействий людей, *поднять эффективность труда и человека – в новых критериях самой этой эффективности*. Человек и труд должны стать гуманистически эффективными (социум должен, *прежде всего*, на этом сосредоточиться!), чтобы жизненный процесс стал экономически (= финансово, меркантильно, утилитарно) эффективным. То есть: надо создать принципиально новую, более высокую систему жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Вместо этого восхождения на новый исторический уровень – наши уважаемые реформаторы вознамерились доить старую корову, старой породы (экономику), обставив старый процесс дойки некими, *как им кажется*, «новыми» атрибутами в виде экономического принуждения и нового «кнута» в виде финансового «стегания коровы».

Бедность творческого воображения и методологии подхода у наших уважаемых экономистов – налицо.

Можно понять, чем соблазняет финансовый (монетаристский) «ключ к реформам» наших уважаемых экономистов. Притягательно, видимо, то обстоятельство, что можно, как им кажется, ПРОСЧИТАТЬ перспективные состояния экономики в стоимостных показателях, приняв деньги («эффективные деньги») в качестве определяющего фактора.

На самом же деле это – иллюзия. Иллюзия – потому, что процесс жизнедеятельности общества (в котором экономика составляет лишь часть целого), включает в себя массу *несчитаемых* (неисчисляемых) факторов, влияющих на общее состояние производства и хозяйства. Например: межнациональные конфликты, разрывающие традиционные связи поставщиков и производителей. Исчислить это невозможно. Или, скажем, изменение состояния здоровья населения под влиянием нарушения экологических условий существования людей, сокращение в индустриальных регионах продолжительности жизни мужчин до 48-56 лет (а это как раз наиболее квалифицированные кадры). Это ведь тоже неисчислимо. Или, скажем, изменение структуры населения (с точки зрения соотношения эффективных и неэффективных его частей) под влиянием возрастающей доли дебилов, олигофренов, больных и просто «недоростков», ослабленных то есть. Призывные комиссии военкоматов находят пригодными к воинской службе только 50% призывников. Это, так сказать, «медицинский статистический факт». Но это ведь и фактор, имеющий экономические последствия. А разве можно сосчитать, исчислить в рублях, последствия такого явления, как катастрофа на Чернобыльской АЭС?

Такого же порядка явление, когда громадное количество изобретений и открытий не внедряются в сферу производства, хотя могли бы дать громадный экономический эффект... И ещё: согласно имеющимся исследованиям психологов, среди детей школьного возраста (от 6 до 14 лет) 32 из 100 человек обладают неординарными способностями. Но так как обучение в наших школах

было ориентировано на средних и слабых учеников, то способности этих неординарных детей угасали, и из наших школ выходили, главным образом, «стандартные» посредственные личности. А разве это не фактор, снижающий возможности нашей экономики? Это как раз тот случай, та ситуация, которая требует оценивать наше общество **с точки зрения количества «эффективных людей», вступающих в сферу производства.** Ни «эффективные приказы» и ни «эффективные деньги» не в состоянии осуществить такого положительного переворота в развитии нашего общества, как «эффективный человек». Если бы масса «эффективных людей» в нашем обществе составляла 32%, мы жили бы в процветающем обществе, **нашедшем гуманистическую модель счастья.**

Вместо этого нам настойчиво подсовывают экономическую модель счастья, при которой человек становится ОБЪЕКТОМ финансово-экономического регулирования, управления и манипулировать и, следовательно, заведомо *отчуждается* от функции СУБЪЕКТА гуманистического развития и саморазвития.

Как уже сказано двумя страницами ранее, сегодня у нас уже НЕТ условий для расцвета и процветания экономики в необходимом темпе, – ибо НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ условий её функционирования возрастает по экспоненте, – ЕСЛИ МЫ БУДЕМ И ВПРЕДЬ фетишизировать экономические методы, заниматься «экономическим идолопоклонством», как сказал Эрих Фромм (см. «Коммунист», 1991, № 1, глава из книги Э. Фромма «Пути из больного общества»).

Кроме перечисленных обстоятельств (факторов, причин), которые углубляют НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ условий, в которых функционирует экономика, есть ещё масса других причин, которые делают экономику экстенсивным процессом, отстающим от возрастающих требований переживаемой эпохи. Это, пожалуй, прежде всего, нравственное состояние общества, характер его ценностных ориентаций, состояние его социальной психологии, его социально-педагогическая культура...

Возьмём нравственное состояние общества. «Брать взятки или не брать – так вопрос сегодня не стоит. Брать и как можно больше стало сегодня правилом», – так озаглавлена статья в «Известиях» от 1 сентября 1992 г. – Да разве только взятки? Масса человеческих индивидов не чувствует и не осознаёт ответственности за свой образ жизни, не имеет какой-либо положительной целеустремлённости и впала в алкоголизм. У общества нет единой положительной духовной программы, нет идеи, которая бы всех объединяла и вела. Ведь это же удивительная наивность наших уважаемых реформаторов, которые полагают, что «экономический интерес» сыграет конструктивную роль в нашем обществе и в наших реформах, как только будет сделана попытка (через приватизацию и ваучеры) опереться на этот интерес. Наш обыватель не обладает той культурой, которая, собственно, и приносит тот эффект, который нашим реформаторам кажется эффектом экономики. Запад накопил эту культуру и нравственность за 400 – 500 лет с тех пор как деньги стали важным фактором динамики мануфактурного производства и – самого образа жизни. Наш же обыватель, имеющий, например, автомобиль «Жигули», понимает свою задачу в рамках «экономического поведения» как акцию «сразу же хапнуть тыщу». Он выезжает на улицу, например, Солнцевского района с тем, чтобы найти пассажира «сразу аж до Южного порта», и «на меньшее он не согласен».

«Экономические мотивы» в его психологии и в его культуре трансформируются в мотивы вульгарного «чистогана». Он уже не человек за рулём, а воплощение «экономического стяжательства». И это проявляется не только в таком «мелком» примере (хотя это – отнюдь не мелочь!). Лев Корсунский пишет о том, что стяжательский экономический интерес создаёт ситуацию, при которой таджикский уран выступает как «основа для исламской ядерной бомбы» (см. «Столица», 1992, № 35, с. 8-10).

«Мне думается, – пишет Лев Корсунский, – что сегодня, когда иссяк, и не только для Таджикистана, мощный поток самой дешёвой в мире нефти, поступавшей из России, республика, где господствует одна монополярная культура – хлопок, где девяносто три процента территории занимают горы, а овощеводство и садоводство едва может прокормить население, – только высокообогащённый уран способен дать валюту. Получить её можно ... по старым адресам, – в Чкалове и в Табошарах, на тех же, до сей поры, с особым засекреченным режимом, заводах Восточного комбината редких металлов... Если этот концерн ... станет национальным достоянием Таджикистана (а доходы от продукции объединения «Восток-редмет» могут быть миллиардными), то уже тогда можно не сомневаться, что из Афганистана и Ирана, из других мусульманских стран придут специалисты – для изучения опыта работы Чкаловского и Табошарского заводов. Или, в крайнем случае, для того, чтобы сделать заказ на его продукцию.

А так как есть сведения (из сообщений французской «Котидьен де Пари»), что в июле прошлого (1991) года командующий иранскими ВВС генерал Масут Саттори успешно провёл переговоры в Москве по закупке сорока восьми МИГ-29, двадцати четырёх СУ-24, такого же количества МИГ-31 и сверхзвуковых бомбардировщиков ТУ (в оформленном списке не фигурируют МИГ-27 типа «Флоггер», модифицированный для транспортировки и запуска тактических ядерных зарядов, но Иран их получил), то слухи о наличии исламской атомной бомбы косвенно подтверждаются. (См. там же.)

Все эти факты в совокупности свидетельствуют, что «экономический фундаментализм» как основа наших реформ представляет собой концепцию биполярную в своей основе и потому – весьма шаткую, противоречивую, ненадёжную. Не давая нефти Таджикистану, мы ставим его перед необходимостью получать валюту путём продажи обогащённого урана. С другой стороны, мы сами, ища валюту, продаём современные истребители и бомбардировщики Ирану, другим странам, которые могут ввергнуть мир в хаос ядерной войны.

Меркантильные мотивы оказываются обладающими силой, которая выше силы мотивов гуманистических.

Глубинной причиной всех этих и подобных «неразрешимых» противоречий, опасных тенденций и возрастающей неопределённости, в которой находится мир, – является ТО, что экономическая детерминация всех проектов БУДУЩЕГО для нашего общества не обладает той «разрешающей способностью», которая объективно необходима современному миру.

А при таком положении чисто экономические механизмы и чисто экономическая стратегия (ставка на «эффективные деньги» Егора Гайдара) превращаются в свою противоположность.

В силу биполярности самого феномена экономики, когда потребительная стоимость и меновая стоимость – *несоизмеримы*), нелегко ожидать *соизмеримых* последствий от тех или иных практических действий, которые мотивировались «экономическими соображениями». Как, например, продажа истребителей Ирану... Возможные последствия здесь несоизмеримы с вырванными валютными поступлениями в государственную казну...

На реальный жизненный процесс влияет ныне столько факторов и их переплетений («параллелограммов сил»), что говорить о каких-либо рациональных выводах и «предвидениях последствий» – бессмысленно: неопределённость возрастает лавинообразно. В такой ситуации никак нельзя делать ставку на то, что «эффективные деньги» нам помогут.

Необходима поистине Великая Идея, которая захватила бы всю страну, вдохновила бы весь народ тем, что дала бы возможность каждому посмотреть на действующие в обществе и в

истории силы с более высокой и более эффективной точки зрения: и включающей все эти силы в расчёт, и – преобразующей их.

Без всеобщего энтузиазма на Руси никогда не совершалось что-либо великое! А энтузиазма-то и нет. И вряд ли он будет от дешёвой («гайдаровской») колбасы!